

СОФИЯ ВУЛ

ПИСЬМА С ЧУЖИМ ПОЧЕРКОМ

СЕМЕЙНАЯ САГА

КНИГА ПЕРВАЯ

София Вул

**Письма с чужим
почерком. Книга 1**

«Автор»

2026

Вул С.

Письма с чужим почерком. Книга 1 / С. Вул — «Автор», 2026

Когда в доме у моря находят старые письма, написанные незнакомым почерком, прошлое, которое семья долгие годы пыталась забыть, возвращается. Каждое послание открывает новую тайну: о разлучённых детях, подменённых именах, предательстве и любви, пережившей годы молчания. Но чем ближе герои подбираются к истине, тем яснее понимают: кто-то по-прежнему управляет их судьбами. Им предстоит узнать, можно ли простить тех, кто отнял у них прошлое, и сохранить семью, построенную на лжи. Однако последнее письмо доказывает: эта история только начинается

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

София Вул

Письма с чужим почерком. Книга 1

ПИСЬМА С ЧУЖИМ ПОЧЕРКОМ

Книга первая

София Вул

2026

Глава 1. Два подарка

Мать умерла в среду, а в субботу Алина обнаружила, что та всю жизнь покупала подарки мёртвому сыну.

До этого были похороны, поминки и три дня, которые почти не сохранились в памяти. Люди приходили, обнимали её, произносили одинаковые слова и оставляли после себя мокрые следы в прихожей. На улице шёл тяжёлый ноябрьский дождь, и казалось, весь город медленно растворяется в холодной серой воде.

Алина почти не плакала.

Она отвечала на звонки, договаривалась с кладбищем, выбирала цветы, искала документы. Слушала, как дальние родственники рассуждают, что Людмила Сергеевна ушла тихо и не мучилась. Благодарила соседок за пироги и салаты. Следила, чтобы у пожилой тёти не поднялось давление. После поминок собрала со стола посуду и выбросила увядшие цветы.

Ей всё время казалось, что настоящее горе начнётся позже.

Вероятно, тогда, когда закончатся дела.

В субботу утром она проснулась в материнской спальне и несколько секунд не понимала, где находится. За окном барабанил дождь. На кухне гудел старый холодильник, а из коридора доносилось мерное тиканье часов.

Дом жил так, словно ничего не произошло.

Вот только на соседней подушке никто не лежал. На спинке стула висел материнский халат, возле кровати стояли стоптанные тапочки. На тумбочке осталась раскрытая книга с загнутым уголком страницы.

Алина потянулась к книге, но не стала закрывать её.

Мама терпеть не могла, когда кто-то трогал её закладки.

Мысль была такой привычной, что Алина почти позвала её:

— Мам, ну сколько раз я просила не загибать страницы?

Голос застрял в горле.

Алина села на кровати, прижав ладони к лицу. Несколько минут она просто дышала. Медленно, глубоко, как учил когда-то психолог. Нужно было позволить себе плакать, но слёз не было. Внутри словно образовалась пустая комната, из которой вынесли всю мебель, сняли занавески и даже выкрутили лампочку.

На кухне она приготовила две чашки кофе.

Поняла это только тогда, когда поставила их на стол.

Одна чашка была белая, её собственная. Вторая — материнская, с нарисованными незабудками и маленькой трещиной возле ручки.

Алина долго смотрела на неё, потом вылила кофе в раковину.

Телефон зазвонил около десяти.

— Ты ещё там? — спросил Антон вместо приветствия.

— Там.

— Когда вернёшься?

— Не знаю. Нужно разобрать вещи и найти документы на дом.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Мы ведь договаривались, что этим займётся риелтор.

— Риелтор не будет перебирать мамины вещи.

— Для этого существуют специальные службы.

Алина закрыла глаза.

Антон всегда находил практичное решение. Когда сломалась стиральная машина, он заказал новую, не пытаясь починить старую. Когда они поняли, что не могут иметь детей, предложил оформить развод, потому что «оба заслуживают шанс построить нормальную семью». Когда три месяца назад врачи обнаружили у матери опухоль, он прислал Алине номер хорошей сиделки.

Иногда ей казалось, что Антон воспринимает жизнь как квартиру, в которой любую неисправность можно устранить, заплатив подходящему человеку.

— Я сама разберу, — ответила она.

— Алина, тебе не стоит там находиться одной.

— Почему?

— Потому что ты сейчас не в том состоянии.

— В каком именно?

— Ты прекрасно понимаешь.

Она посмотрела на материнскую чашку, стоявшую возле раковины.

— Нет, Антон. Не понимаю.

— Ты почти не спала последние месяцы. У тебя умерла мать. И ты заперлась одна в доме, где выросла.

— Я не заперлась. Дверь открывается.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Он тяжело выдохнул.

— Хорошо. Я приеду вечером.

— Не надо.

— Почему?

Алина не знала, что ответить. Потому что не хотела видеть его в этом доме? Потому что мать никогда его не любила? Потому что они развелись два года назад, а он по-прежнему разговаривал с ней как муж, которому позволено принимать решения?

— Просто не надо, — повторила она.

— Позвони, если передумаешь.

Антон отключился первым.

Алина ещё некоторое время держала телефон возле уха. Потом открыла переписку с матерью.

Последнее сообщение было отправлено во вторник вечером.

«Как ты себя чувствуешь?»

Мать прочитала его, но не ответила.

В среду утром позвонила соседка.

Алина несколько раз пыталась вспомнить их последний разговор. Они говорили в воскресенье, за три дня до смерти. Мать жаловалась на погоду, спрашивала, не вернулся ли Антон, и в очередной раз пыталась объяснить, где лежат документы.

— В синей папке, на верхней полке шкафа, — сказала она.

— Мам, прекрати. Ты сама мне её покажешь.

— Покажу, конечно. Но ты всё равно запомни.

Алина не запомнила.

Теперь ей предстояло найти синюю папку среди десятков ящиков, полок и старых коробок.

Она начала с письменного стола в гостиной.

Мать хранила всё: оплаченные счета десятилетней давности, гарантийные талоны на давно выброшенную технику, открытки, школьные фотографии, рецепты, инструкции к лекарствам. В нижнем ящике обнаружились Алины грамоты, табель за третий класс и медаль с соревнований по плаванию.

Алина провела пальцем по потемневшему металлу.

Она не помнила этих соревнований. Только запах хлорки, мокрые волосы и мамин голос над трибунами:

— Давай, Линочка! Ещё немного!

Мать всегда называла её Линой, когда волновалась.

Под грамотами лежал большой конверт с надписью: «Алина. Детство».

Внутри были фотографии.

Алина в коляске. Алина на руках у отца. Алина в детском саду, в нелепом костюме снежинки. Алина возле школы с огромным букетом гладиолусов. Мать сохраняла даже неудачные снимки — размытые, засвеченные, с обрезанными лицами.

На одной фотографии Алина стояла рядом с мальчиком.

Снимок был старый, выцветший. Девочке на нём было года четыре. Мальчик казался немного старше — может быть, шесть или семь. Он держал Алину за руку, а она смотрела на него снизу вверх и смеялась.

Алина сразу его узнала.

Кирилл.

Она не произносила это имя много лет. Даже мысленно.

Её старший брат умер, когда она была маленькой. В семье почти не говорили о нём. Алина знала только, что произошёл несчастный случай и что после этого отец ушёл.

Когда в детстве она спрашивала о Кирилле, мать замолкала и бледнела. Иногда запиралась в ванной. Однажды Алина услышала, как она плачет, и с тех пор старалась не задавать вопросов.

Постепенно воспоминания о брате превратились в несколько разрозненных картинок.

Тёплая ладонь.

Красная машинка без одного колеса.

Мальчик, стоящий у окна.

Запах дыма.

Алина нахмурилась.

Запах дыма возникал всякий раз, когда она пыталась вспомнить брата. Возможно, он был связан с тем самым несчастным случаем. Но мать никогда не рассказывала, как именно погиб Кирилл, а Алина боялась спрашивать.

На обороте фотографии стояла дата: 12 мая 1995 года.

«Кирюша и Линочка».

Почерк был материнский.

Алина положила снимок отдельно. Возможно, его стоило увеличить. Она почти не помнила лица брата, а здесь оно было видно довольно хорошо: светлые волосы, серьёзные глаза, чуть оттопыренные уши.

За спинами детей стоял отец, но его фигура почти полностью обрезалась краем фотографии. Сохранилась только рука, лежащая на плече Кирилла.

Алина убрала остальные снимки обратно в конверт.

Синей папки в столе не оказалось.

К полудню она разобрала два шкафа и антресоль. Документы нашлись в спальне, за стопкой постельного белья. Старая картонная папка была перевязана резинкой. В ней лежали свидетельство на дом, квитанции, договоры и завещание.

Дом мать оставила Алине.

Других наследников у неё не было.

Эта мысль показалась слишком окончательной.

Алина отнесла папку на стол и подошла к окну. За мокрым стеклом темнел сад. Голые ветви яблони дрожали от ветра. В детстве под этим деревом стояли качели. Кирилл раскачивал её так сильно, что мать выбегала на крыльцо и кричала, чтобы он прекратил.

Было ли это на самом деле?

Или Алина придумала воспоминание по старой фотографии?

Она снова взяла снимок.

На этот раз её внимание привлекло не лицо брата, а то, как крепко он держал её за руку. Его пальцы словно защищали маленькую ладонь от чего-то, находившегося за пределами кадра.

— Прости, — тихо сказала Алина, сама не понимая за что.

Ближе к вечеру пришла соседка.

Нина Павловна жила в доме напротив столько, сколько Алина себя помнила. Когда-то высокая и полная, теперь она высохла и ссутилась, но всё ещё красила губы ярко-малиновой помадой.

В руках она держала кастрюлю.

— Я знала, что ты ничего не приготовишь.

— Спасибо, но еды и так много.

— Это суп. Он не считается.

Не дожидаясь приглашения, соседка прошла на кухню и поставила кастрюлю на плиту.

— Ты одна?

— Одна.

— А Антон?

— Мы давно развелись, Нина Павловна.

— Развелись — не умерли. Мог бы помочь.

Алина промолчала.

Соседка сняла пальто, повесила его в прихожей и прошла по комнатам, останавливаясь возле знакомых вещей. В гостиной она коснулась спинки материнского кресла.

— Не верится, — сказала она. — Ещё неделю назад сидела здесь. Просила меня купить ленты.

— Какие ленты?

— Атласные. Синие и зелёные.

— Зачем?

Нина Павловна отвела взгляд.

— Не сказала. Люда вообще в последнее время стала скрытная.

— Она всегда была такой.

— Нет, девочка. Раньше она была молчаливая. А это не одно и то же.

Алина хотела спросить, что соседка имеет в виду, но та уже направилась к двери.

— Поешь обязательно. И не сиди допоздна.

В прихожей Нина Павловна заметила фотографию, которую Алина оставила на тумбочке.

Она взяла её — и замерла.

Из её лица словно ушла кровь.

— Где ты это нашла?

— В мамином столе.

— Лучше положи обратно.

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые не нужно трогать.

— Это всего лишь фотография Кирилла.

Соседка резко подняла глаза.

— Кого?

— Моего брата.

Нина Павловна несколько секунд смотрела на неё, потом торопливо вернула снимок.

— Конечно. Брата.

— Вы его помните?

— Смутно. Столько лет прошло.

Она принялась застёгивать пальто, хотя до этого даже не сняла шарф.

— Как он погиб?

Руки соседки остановились.

— Что?

— Мама никогда мне не рассказывала. Я была маленькой и почти ничего не помню. Вы ведь тогда жили напротив. Что произошло?

Нина Павловна слишком долго поправляла воротник.

— Тебе лучше спросить у отца.

— Я не знаю, где он.

— Значит, так тому и быть.

— Нина Павловна...

— Не сегодня, Алина. Твоя мать ещё не остыла, а ты уже раскапываешь то, что она всю жизнь пыталась похоронить.

Слова прозвучали жестоко. Соседка и сама это поняла.

— Прости. Я не хотела.

— Что мама пыталась похоронить?

— Горе. Что же ещё?

Нина Павловна открыла дверь.

— Если станет плохо, позвони. В любое время.

Она ушла, почти сбежала, не взяв зонт.

Алина осталась в прихожей с фотографией в руках.

Дождь усилился. По крыше забарабанило так громко, словно кто-то бросал сверху мелкие камни.

Она заперла дверь и вернулась в материнскую спальню.

Слова соседки не выходили из головы.

Есть вещи, которые не нужно трогать.

Мать не просто не любила говорить о прошлом. Она как будто чего-то боялась. Даже в последние дни, когда болезнь лишила её сил, Людмила Сергеевна несколько раз просила Алину не выбрасывать старые вещи, пока не найдётся синяя папка.

Возможно, она имела в виду не ту папку, которую Алина обнаружила в шкафу.

Эта была голубой.

Алина снова открыла шкаф.

Она вынула всё бельё, проверила верхнюю полку, постучала по задней стенке. Потом передвинула коробки с обувью и обнаружила в углу небольшой металлический ключ.

Ключ был привязан к синей атласной ленте.

Такой же, какую мать просила купить Нину Павловну.

Алина несколько секунд держала его на ладони.

Он был совсем маленький — от шкатулки или почтового ящика. В доме не осталось закрытых ящиков, кроме старого сундука на чердаке. В детстве Алина считала его пиратским и однажды пыталась вскрыть ножницами. Мать тогда рассердилась так сильно, что впервые ударила её по руке.

На чердаке пахло пылью, деревом и сухими яблоками.

Алина включила фонарь на телефоне. Под скатами крыши стояли чемоданы, банки, сломанная мебель. У дальней стены под старым покрывалом находился сундук.

Ключ подошёл.

Замок щёлкнул легко, словно его недавно открывали.

Под крышкой лежали аккуратно сложенные детские вещи. Рубашки, свитера, школьная форма. Всё было выстирано и перевязано зелёными лентами.

Сверху лежала красная машинка без одного колеса.

Алина взяла её, и на мгновение ей показалось, что пол под ногами качнулся.

Она уже держала эту машинку. Очень давно. Кирилл не разрешал ей играть с ней, а потом сам подарил — в день, когда в доме пахло дымом.

Алина закрыла глаза, пытаясь удержать воспоминание.

Тёмный коридор.

Чей-то крик.

Кирилл толкает её к двери.

Дальше была только пустота.

Она опустилась на колени возле сундука.

Под одеждой обнаружились коробки с подарками. На каждой была наклеена небольшая белая карточка.

«Кириллу. 10 лет».

«Кириллу. 11 лет».

«Кириллу. 12 лет».

Коробок было много.

Алина доставала их одну за другой. Шахматы, часы, перочинный нож, фотоаппарат, мужской ремень. Подарки менялись вместе с возрастом того, для кого предназначались. Детские игрушки уступали место книгам, галстукам, дорогим ручкам.

Последняя коробка была совсем новой.

«Кириллу. 38 лет».

Алина долго смотрела на надпись.

Брат погиб тридцать один год назад. Ему навсегда осталось семь.

Но мать каждый год покупала ему подарок.

Рядом лежала другая коробка.

«Алине. 35 лет».

Внутри оказался шелковый платок — точно такой же, какой мать подарила ей летом на день рождения. Значит, она всегда покупала два подарка. Один вручала дочери. Второй прятала здесь.

На самом дне сундука стояла синяя папка.

Не голубая, как папка с документами, а тёмно-синяя, почти чёрная. Она была перевязана зелёной лентой и запечатана сургучом.

На обложке мать написала:

«Алине. Открыть после моей смерти».

Пальцы задрожали.

Алина развязала ленту и сломала печать.

В папке лежали письма. Десятки конвертов, разложенных по годам. На каждом стояло одно и то же имя:

«Кириллу».

Первые конверты были пожелтевшими, последние выглядели так, словно их подписали совсем недавно.

Алина достала верхнее письмо.

«Кириллу. Восемь лет».

Конверт оказался незапечатанным.

Она развернула сложенный лист.

«Здравствуй, мой мальчик.

Сегодня тебе исполнилось восемь. Я весь день представляла, каким ты стал. Наверное, подросток, и рукава новой рубашки снова коротки. Ты всегда рос слишком быстро.

Я купила тебе конструктор. Ты давно о нём мечтал. Не знаю, получишь ли ты его когда-нибудь, но всё равно завернула коробку. Так мне кажется, будто я остаюсь твоей мамой.

Лина спрашивала о тебе. Я сказала, что ты теперь очень далеко и не можешь вернуться. Прости меня. Я не сумела произнести слово “умер”, потому что ты не умер.

Ты жив.

Я знаю, где ты. Знаю, в какую школу тебя отдали. Знаю, что ты по-прежнему боишься темноты и спишь с включённой лампой.

Мне запретили приближаться к тебе.

Но однажды я всё расскажу. Тебе и Алине».

Дальше Алина не смогла читать.

Она перечитала две строки. Потом ещё раз, медленно, вслух:

— Ты жив. Я знаю, где ты.

Буквы расплывались перед глазами.

Мать не оплакивала умершего сына.

Она писала живому.

Алина схватила фотографию и поднесла к свету телефона. Кирилл смотрел прямо в объектив. Светловолосый мальчик с серьёзными глазами, которого она считала погибшим больше тридцати лет.

Если он действительно был жив, ему теперь исполнилось сорок.

Нет, тридцать восемь. Так было написано на последнем подарке.

Но почему мать никогда не пыталась его найти? Кто запретил ей приближаться к собственному сыну? Почему Алине сказали, что брат погиб?

Она снова взяла письмо.

Под основным текстом была приписка, сделанная другой ручкой и, судя по неровным буквам, намного позже:

«Если ты читаешь это, Линочка, значит, я не успела рассказать сама.

Найди брата.

Только сначала узнай, что на самом деле произошло в ночь пожара.

И не верь своему отцу».

Глава 2. Чужое имя

До рассвета Алина прочитала шесть писем.

После первого ей следовало спуститься с чердака, включить свет во всём доме и позвонить кому-нибудь — Антону, Нине Павловне, даже тёте Вале, которая на поминках трижды повторила, что теперь они должны держаться вместе. Но Алина продолжала сидеть на полу возле открытого сундука.

Телефон лежал рядом, экран давно погас. За крышей шумел дождь, ветер толкал неплотно прикрытое чердачное окно. Иногда в темноте скрипели доски, и тогда Алине казалось, что по лестнице поднимается мать.

Она представляла её молодой — такой, какой Людмила Сергеевна была на старых фотографиях. Светлое платье, короткая стрижка, тонкие запястья. Вот мать останавливается у сундука, забирает письма и говорит, что произошла ошибка, что Алина неправильно всё поняла.

Но мать не приходила.

Оставался только её почерк.

Второе письмо было написано через четыре месяца после первого.

«Сегодня я видела тебя возле школы. Ты был в синей куртке, которую я не покупала. Сначала я решила, что ошиблась, потому что ты стал худее и подстригся. Потом ты повернул голову, и я узнала тебя.

Я стояла через дорогу. Мне хотелось позвать тебя, но рядом был отец. Он держал тебя за плечо и всё время оглядывался.

Ты не увидел меня.

Наверное, это к лучшему. Так я говорю себе каждый день».

Алина подняла голову.

Отец.

Значит, Кирилл находился с ним. Не потерялся, не попал в больницу, не был отдан в детский дом. Отец забрал сына и запретил матери приближаться.

Но почему Людмила Сергеевна подчинилась?

Мать не была слабой. Она одна вырастила Алину, работала в две смены, спорила с врачами и начальниками, могла среди ночи отправиться через весь город, если дочери требовалась помощь. Алина не могла представить, чтобы кто-то запретил ей увидеть ребёнка и она просто согласилась.

В третьем письме не было ответа.

Мать рассказывала Кириллу, как Алина пошла в первый класс, как потеряла сменную обувь и два часа пряталась в школьной раздевалке, боясь возвращаться домой. Писала о новой работе, о протекающей крыше и яблоне, которую хотела спилить, но оставила, потому что Кирилл когда-то построил на ней «наблюдательный пункт».

Почти на каждой странице встречалось слово «прости».

Иногда — по несколько раз.

Алина раскрыла письмо, помеченное девятым днём рождения.

«Здравствуй, Кирюша.

Сегодня я впервые услышала, как тебя называли Артёмом.

Женщина, которая пришла за тобой в школу, крикнула: “Артём, быстрее”. Ты обернулся. Значит, привык.

Наверное, отец решил, что одного нового адреса недостаточно. Ему понадобилось дать тебе другое имя, словно так можно отнять у тебя прежнюю жизнь.

Я не знаю, что он рассказал тебе обо мне и Лине. Не знаю, помнишь ли ты своё настоящее имя. Но для меня ты всегда останешься Кириллом».

Алина перечитала абзац несколько раз.

Артём.

Где-то жил мужчина тридцати восьми лет, который, возможно, не знал, что когда-то был Кириллом. Он мог не помнить сестру, дом и красную машинку. Мог считать матерью ту женщину, которая забирала его из школы.

Алина попыталась представить его взрослым, но перед глазами возникал только мальчик с фотографии.

Она открыла поиск в телефоне и набрала: «Артём, тридцать восемь лет». Получилось так нелепо, что Алина почти рассмеялась. В стране были десятки тысяч Артёмов этого возраста.

Нужна была фамилия.

И фамилии она тоже не знала.

После развода мать вернула девичью — Лебедева. Алина в шестнадцать лет сделала то же самое. В её свидетельстве о рождении отец значился Виктором Андреевичем Савельевым, но мог ли он сменить документы? Взять фамилию новой жены? Записать сына под другим отчеством?

В письмах мать называла его только «отцом» или «он».

Так пишут о человеке, чьё имя причиняет боль.

Или о человеке, которого боятся.

К пяти утра буквы начали расплываться. Алина сложила прочитанные письма в отдельную стопку, остальные вернула в папку. Спускаясь, прижимала её к груди, будто боялась, что кто-то вырвет находку из рук.

В кухне всё осталось так, как вечером. На плите стояла кастрюля Нины Павловны, на столе — нетронутая тарелка. Алина включила свет и только тогда заметила, насколько замёрзла.

Она налила суп, но не смогла проглотить ни ложки.

Вместо еды разложила письма по годам.

Первое было датировано декабрём 1996-го. Кириллу исполнилось восемь. Последнее мать написала три месяца назад, уже после того, как узнала о болезни.

Между ними лежала чужая жизнь, описанная человеком, который наблюдал за ней изда-лека.

На некоторых конвертах имелись адреса. Большинство мать не отправляла, но пять писем прошли через почту и вернулись. Штемпели выцвели, поверх марок стояли отметки: «Адресат выбыл», «Получатель не значится», «Возврат отправителю».

Первый адрес находился в их городе — улица Садовая, дом двадцать четыре. Второй — в соседнем областном центре. Третий был заграничным, написанным латиницей.

Алина сфотографировала каждый конверт.

На одном под строкой «получатель» мать вывела: «Артёму Викторовичу Белову».

Белов.

Она тут же открыла поиск.

Артём Викторович Белов.

Сотни результатов. Предприниматель из Омска, врач из Тулы, тренер, музыкант, юрист, участник соревнований по рыбной ловле. Фотографии мужчин разных возрастов, ни один из которых не походил на семилетнего мальчика настолько, чтобы Алина могла сказать: это он.

Она добавила год рождения.

Результатов стало меньше, уверенности не прибавилось.

Около семи утра Алина нашла старую публикацию о благотворительном забеге. Среди участников значился Артём Викторович Белов, 1988 года рождения. Возраст совпадал. Фотографии не было.

В другой заметке человек с таким именем выступал на строительном форуме, но ему было явно за пятьдесят.

В третьей упоминался погибший военнотружущий.

Алина резко закрыла страницу.

Она поймала себя на том, что задерживает дыхание.

Кирилл был жив, когда мать написала первое письмо. Но это не означало, что он жив сейчас.

Тридцать один год — слишком большой срок.

На рассвете дождь прекратился. Алина перенесла письма в гостиную и опустила в материнское кресло. Мысль о весне, которой мать уже не увидит, наконец пробила стену внутри.

Она заплакала — тяжело, задыхаясь, о непрочитанном сообщении, о мальчике, которому каждый год покупали подарки, и о женщине, тридцать один год писавшей письма, не имея права их отправить.

В девять приехал Антон. Увидел разложенные конверты, молча прочитал первое письмо и долго рассматривал почтовую отметку «адресат выбыл».

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Найти брата.

— Твоя мать скрывала это тридцать лет. Возможно, у неё были причины.

— Были. Она боялась моего отца.

— Алина, брат может не захотеть с тобой общаться.

— Тогда сам мне это скажет.

Антон не стал больше спорить. Забрал документы риелтора и попросил позвонить ему прежде, чем она куда-нибудь поедет. Алина обещала постараться.

После его ухода дом снова стал слишком тихим.

Алина вернулась к письмам.

Теперь она читала не подряд, а искала сведения. Выписывала даты, адреса, названия школ. На отдельном листе написала два имени:

Кирилл Викторович Савельев.

Артём Викторович Белов.

Между ними поставила знак вопроса.

В одном из писем мать упоминала женщину по имени Марина.

«Сегодня Марина снова забирала тебя из школы. Ты держал её за руку. Я должна радоваться, что рядом есть человек, который заботится о тебе. Но мне больно оттого, как легко она заняла моё место».

В другом говорилось, что отец собирается уехать.

«Нина узнала о билетах. Через неделю вы будете в другом городе. Я пыталась поговорить с ним, но он напомнил о нашем соглашении. Сказал, что в следующий раз не ограничится угрозами».

Нашем соглашении.

Значит, существовал документ или хотя бы договорённость.

Нина знала о билетах.

Нина Павловна, которая вчера заявила, что почти не помнит Кирилла.

Алина посмотрела на дом напротив. В окнах соседки горел свет.

Она надела куртку, взяла письмо и перешла дорогу.

Нина Павловна открыла не сразу. Увидев Алину, нахмурилась.

— Я же сказала: звони, если плохо. Зачем под дождём пошла?

— Вы знали, что Кирилл жив.

Лицо соседки застыло.

Алина протянула письмо.

— Мама написала, что вы узнали о билетах. Вы знали, что отец увёз его.

Нина Павловна не взяла лист.

— Заходи.

— Сначала ответьте.

— Не на пороге же.

В доме пахло лекарствами и жареным луком. На кухне работал телевизор без звука. Нина Павловна усадила Алину за стол, но сама осталась стоять.

— Люда заставила меня поклясться, — сказала она.

— Мама умерла.

— От этого клятва не исчезла.

— Она оставила мне письма. Просила найти брата.

Соседка закрыла глаза.

— Значит, всё-таки решилась.

— Расскажите, что произошло.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что не знаю всей правды.

— Расскажите ту часть, которую знаете.

Нина Павловна села напротив. Руки у неё дрожали, и она спрятала их под стол.

— После пожара твой отец забрал Кирилла. Люда подписала бумаги, по которым сын должен был жить с ним.

— Добровольно?

— Она сказала, что выбора не было.

— Какие бумаги?

— Не знаю. Я их не видела.

— Почему мне сказали, что он умер?

— Ты была маленькая. Каждый день спрашивала, когда Кирюша вернётся. Люда сначала говорила, что он уехал. Потом ты услышала разговор взрослых и решила, что он погиб в пожаре.

— И мама не стала меня разубеждать?

— Не стала.

— Почему?

— Потому что так было безопаснее.

— Для кого?

Нина Павловна посмотрела ей в глаза.

— Для тебя.

Алина почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что произошло в ночь пожара?

— Я прибежала, когда огонь уже тушили. Тебя увезли в больницу. Кирилл был у отца.

Люда сидела на земле и повторяла, что во всём виновата она.

— В чём?

— Не знаю.

— Вы снова лжёте.

— Нет. Люда больше ничего не объяснила. Через несколько дней Виктор увёз мальчика.

А ещё через месяц твоя мать сказала всем, что Кирилл погиб.

— Всем?

— Родственникам, знакомым, учителям. Тем, кто спрашивал.

— А вы молчали.

— Я обещала.

— Тридцать один год?

— Каждый год хотела заговорить. Каждый год видела, как она покупает ему подарок, и не могла.

В голосе соседки появилась такая усталость, что Алина на мгновение перестала злиться.

— Где отец?

— Не знаю. После отъезда он позвонил Люде один раз. Она потом неделю лежала с температурой.

— А Марина?

Нина Павловна вздрогнула.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Из писем.

— Она была женщиной Виктора. Возможно, потом стала его женой.

— Фамилия Белова её?

Соседка кивнула.

— Марина Белова. Работала в вашей школе медсестрой.

Теперь кусочки начинали складываться. Новая женщина, новая фамилия, новое имя.

— Где она жила?

— На Садовой. Дом двадцать четыре.

Первый адрес на возвращённом письме.

— Почему вы вчера не сказали?

— Потому что Люда ещё лежала в гробу, а ты уже держала фотографию. Я испугалась.

— Чего?

Нина Павловна долго молчала.

— Что всё повторится.

— Что именно?

— Не знаю, Алина. Правда не знаю.

Она встала, открыла буфет и достала небольшой конверт.

— Люда оставила это у меня семь лет назад. Сказала отдать тебе, если с ней что-нибудь случится. Потом передумала и потребовала вернуть. Я соврала, что выбросила.

В конверте лежал обрывок школьной тетради. На нём материнским почерком были записаны номер телефона и одно слово: «Раиса».

— Кто это?

— Сестра Марины. Единственный человек, который может знать, куда они уехали.

— Вы ей звонили?

— Один раз. Давно. Она сказала, чтобы мы больше никогда не искали Артёма.

Алина набрала номер прямо за столом.

Гудки шли долго. Потом механический голос сообщил, что номер не существует.

— Семь лет, — тихо сказала соседка. — Люди меняют телефоны.

Алина убрала листок в карман.

Уже у двери Нина Павловна окликнула её:

— Подожди.

Она принесла старую адресную книжку и вырвала страницу.

— Здесь прежний адрес Раисы. Я не знаю, живёт ли она там.

Улица находилась в их городе, в двадцати минутах езды.

— Спасибо.

— Алина, пообещай, что сегодня никуда не поедешь.

— Почему?

— Потому что ты не спала всю ночь.

— Все считают, что лучше меня знают, что мне делать.

— Просто не хочу, чтобы Люда простила меня там, а потом сразу начала ругать за то, что я тебя не остановила.

Алина впервые за эти дни улыбнулась.

— Хорошо. Сегодня не поеду.

Вернувшись домой, она снова открыла синюю папку.

Теперь ей нужен был год, когда мать узнала новую фамилию сына. Она перебирала конверты, пока из одного не выпал сложенный вчетверо лист. Это было не письмо, а копия официального уведомления.

Текст почти выцвел, но несколько строк читались ясно:

«В удовлетворении запроса о предоставлении сведений отказать...»

Ниже стояла дата — 2004 год — и подпись матери.

На обороте Людмила Сергеевна написала:

«Сегодня я поняла, что искать по имени Артём Белов бессмысленно. Виктор снова сменил ему документы.

Теперь моего сына зовут иначе».

Под записью оставалось пустое место, а затем шла приписка, сделанная много лет спустя:

«Я узнала новое имя. Но если напишу его здесь, они найдут письма раньше Алины».

Алина медленно опустила лист.

Мать знала, кем стал Кирилл.

И кто-то знал о письмах.

Глава 3. Человек без могилы

В понедельник утром Алина отправилась искать свидетельство о смерти брата.

Она почти не спала вторую ночь подряд. Всякий раз, когда начинала проваливаться в сон, вспоминала материнскую запись: «Они найдут письма раньше Алины». Кто такие «они» — отец и Марина, только отец или кто-то ещё — Людмила Сергеевна не объяснила.

Алина перенесла синюю папку в свою старую комнату и закрыла дверь на ключ. Это было бессмысленно: в доме никого, кроме неё, не было. Но, поворачивая ключ, она испытывала короткое облегчение.

Утром город проснулся под мокрым снегом. Белые хлопья таяли на асфальте, превращаясь в грязную воду. Алина припарковалась возле здания архива и несколько минут сидела в машине, рассматривая серый фасад.

Она не знала, с чего начинают поиски человека, официально никогда не умиравшего, но похороненного в памяти целой семьи.

В отделе регистрации смерти пахло бумагой и дешёвым кофе. За стеклом сидела женщина с короткой стрижкой и табличкой «Ольга Сергеевна».

— Мне нужна копия свидетельства о смерти брата, — сказала Алина.

— Год смерти?

— Тысяча девятьсот девяносто шестой.

— Точная дата?

Алина замялась.

— Не знаю.

Женщина подняла глаза.

— Фамилия, имя, отчество?

— Савельев Кирилл Викторович.

— Дата рождения?

— Двадцать третье декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.

Эту дату Алина узнала из писем. Мать каждый год начинала писать вечером двадцать третьего декабря.

— Ваш паспорт и документ, подтверждающий родство.

Алина протянула паспорт и собственное свидетельство о рождении. Ольга Сергеевна долго изучала записи, затем начала печатать.

— Фамилии разные.

— Я взяла девичью фамилию матери.

— Свидетельство о перемене имени есть?

Оно лежало в найденной голубой папке. Алина предусмотрительно взяла все документы.

Женщина ушла в соседнюю комнату. Вернулась через десять минут и попросила подождать.

Прошло полчаса.

В коридоре менялись посетители. Пожилая пара оформляла справку, молодой мужчина спорил из-за неправильно написанной буквы в фамилии. Алина сидела на пластмассовом стуле и думала, что где-то среди миллионов записей должна существовать строка, способная вернуть брату жизнь.

Наконец Ольга Сергеевна позвала её к окошку.

— Записи о смерти Савельева Кирилла Викторовича нет.

Хотя Алина ожидала услышать именно это, слова всё равно ошеломили.

— Совсем нет?

— В нашей базе и в бумажных книгах за указанный период — нет.

— А если он умер в другом городе?

— Тогда актовая запись находилась бы по месту смерти, но сведения позже передали бы в единую систему. Если речь о девяностых, возможны ошибки. Сделайте официальный запрос.

— Мать могла получить свидетельство без записи?

Ольга Сергеевна нахмурилась.

— Свидетельство выдаётся на основании актовой записи.

— А поддельное?

Женщина отодвинулась от стекла.

— С такими вопросами лучше обращаться в полицию.

— Я не обвиняю вас. Просто пытаюсь понять.

— Что именно?

Алина посмотрела на очередь за спиной.

— Мой брат жив. Но тридцать один год вся семья считает его умершим.

Ольга Сергеевна несколько секунд молчала, затем снизила голос:

— Если ребёнок уехал с одним из родителей и никто не заявлял о похищении, запись о смерти здесь ни при чём. Вам нужны данные о регистрации, школе, возможно, решение суда.

— Где их искать?

— Начните с городского архива. Семейные дела закрыты, но как сестре вам могут подтвердить хотя бы наличие решения. И обратитесь к юристу.

Все отправляли её к юристу.

В городском архиве приёмные часы начинались после обеда. До открытия оставалось почти два часа. Алина поехала к дому на Садовой.

Двадцать четвёртый номер оказался двухэтажным деревянным домом, зажатым между новыми многоэтажками. Краска облупилась, крыльцо покосилось. Во дворе стояла старая детская коляска, наполненная снегом.

Дверь открыла молодая женщина в спортивных брюках.

— Марина Белова? — переспросила она. — Нет, я таких не знаю.

— Вы давно здесь живёте?

— Четыре года.

— А хозяин дома?

— Мы снимаем. Хозяина зовут Илья Петрович. Он в области.

— Можно его телефон?

Женщина посмотрела настороженно.

— А вы кто?

— Раньше здесь жила родственница моего отца. Я пытаюсь её найти.

Это была не совсем ложь. Если Марина стала женой Виктора, она действительно приходилась Алине кем-то вроде родственницы.

Женщина продиктовала номер.

Илья Петрович ответил не сразу. Марину Белову он помнил смутно: дом принадлежал его тётке, жильцы менялись.

— В девяностых там медсестра жила, — сказал он. — Сестра у неё была, Раиса. Потом обе уехали.

— Куда?

— Не знаю. Кажется, Марина замуж вышла, а Раиса квартиру получила на Северной. Адрес из книжки Нины Павловны был именно на Северной.

— У них был ребёнок?

— У Марины? Своего вроде не было. Потом появился мальчик. Светлый такой, молчаливый. Она говорила — племянник.

— Его звали Кириллом?

— Не помню. Может, Антон. Или Артём.

— Вы видели мужчину, с которым она уехала?

— Один раз. Высокий, усатый. На «Волге» приезжал. Тогда такие машины не у каждого были.

Отец на старой фотографии был без усов, но мог их отпустить.

— Когда они уехали?

— Девяносто седьмой, наверное. Тётка умерла весной девяносто восьмого, к тому времени дом пустовал.

Алина поблагодарила и вернулась к машине.

На другой стороне улицы стояла школа — старое кирпичное здание с высоким железным забором. Она проверила номер. Школа № 17.

Та самая, которую мать упоминала в письме.

Снег усилился. По двору бежали дети в ярких куртках. Алина смотрела на них и пыталась представить мать, стоявшую здесь через дорогу. Молодая женщина прячется за остановкой, ждёт звонка, ищет среди учеников сына. Видит его, но не может окликнуть.

Тридцать один год назад на этом месте, вероятно, тоже шёл снег.

Алина пересекла дорогу.

Вахтёр не хотел пускать её дальше холла.

— Архив выпускников? Идите в управление образования.

— Он учился здесь всего несколько месяцев. Мне нужно подтвердить, что ребёнка забирала Марина Белова.

— Я вам что, следователь?

На шум вышла женщина лет пятидесяти в строгом синем костюме. Выслушав Алину, представилась директором.

— Документы учеников за девяностые давно переданы в архив, — сказала она. — Но у нас работает учительница, которая пришла сюда в девяносто пятом. Подождите.

Учительницу звали Галина Аркадьевна. Маленькая, седая, с внимательными тёмными глазами. Она провела Алину в пустой кабинет и попросила повторить фамилию.

— Савельев... Кирилл... — медленно произнесла она. — Первый или второй класс?

— В девяносто шестом ему было восемь.

— Значит, первый. Тогда училась шестилетка и семилетка вместе.

Алина показала фотографию.

Галина Аркадьевна надела очки.

— Похож на мальчика из класса Тамары Ильиничны. Только звали его не Кирилл.

— Артём?

— Да. Артём Белов. Очень тихий ребёнок. Первое время не отзывался на имя.

Алина сжала пальцы под столом.

— Вы уверены?

— Такие дети запоминаются. Он мог сидеть весь урок и смотреть в окно. Если кто-нибудь повышал голос, прятался под парту.

— Его обижали?

— Не знаю. Тамара Ильинична считала, что мальчик пережил травму. Мать говорила, будто он попал в аварию и поэтому путает прошлое.

— Марина называла себя его матерью?

— Конечно. В документах она была записана матерью.

— Но она не могла быть матерью.

Учительница сняла очки.

— Вы уверены?

— Его мать — моя мать. Людмила Лебедева.

Галина Аркадьевна снова посмотрела на фотографию.

— Теперь понимаю.

— Что?

— Однажды он написал сочинение о семье. Нарисовал дом, женщину и маленькую девочку. Тамара Ильинична вызвала Марину. На следующий день мальчик пришёл с разбитой губой.

— Кто его ударил?

— Сказали, что упал.

Алина почувствовала тошноту.

— Сочинение сохранилось?

— Через столько лет? Конечно, нет.

— Что ещё вы помните?

Учительница задумалась.

— Он боялся огня. Перед Новым годом у нас загорелась гирлянда, обычная искра, ничего серьёзного. Артём выбежал из класса и спрятался в туалете. Повторял, что должен спасти Лину.

Алина отвернулась к окну.

Тёплая ладонь. Тёмный коридор. Кирилл толкает её к двери.

— Он меня помнил.

— Видимо, да.

— Почему никто не сообщил об этом?

— Кому? Женщина принесла документы, назвалась матерью. Отец тоже приходил. В девяностые никто не проверял каждую семью так, как сейчас.

— Вы знаете, куда они уехали?

— В середине года забрали документы. Кажется, в Нижний Новгород. Или Новгород. Я могу ошибаться.

— А фамилия?

— Белова.

Мать писала, что после этого имя изменили снова.

— Можно поговорить с Тамарой Ильиничной?

Лицо учительницы изменилось.

— Она умерла прошлой зимой.

Снова слишком поздно.

Уходя, Алина оставила номер телефона. Галина Аркадьевна обещала посмотреть старые классные фотографии.

В городском архиве её принял молодой сотрудник с фамилией Корнеев на бейдже. Ему было около сорока, волосы на висках уже серебрились. Он внимательно прочитал заявление, не перебивая.

— Вам нужно судебное решение об определении места жительства ребёнка, — сказал он. — Если оно вообще было.

— Соседка говорит, мать подписала какие-то бумаги.

— Это могло быть соглашение родителей. Нотариальное или простое письменное.

— По нему отец мог сменить имя ребёнка?

— Нет. Для изменения имени требовалось согласие второго родителя или решение органов опеки.

— А если документы подделали?

— Тогда мы переходим из семейной истории в уголовную.

— Все сегодня говорят мне идти в полицию.

— А вы не хотите?

Алина представила, как объясняет дежурному, что тридцать один год назад её отец увёз брата, а мать добровольно молчала. Сроки прошли, документы исчезли, главная свидетельница умерла.

— Пока я даже не знаю, какое преступление было совершено.

— Тогда начнём с того, что можно подтвердить.

Корнеев забрал заявление и вернулся через двадцать минут с тонкой карточкой.

— Семейного судебного дела на фамилию Савельевых в девяносто шестом и девяносто седьмом нет.

— Значит, суда не было?

— В нашем городе — нет. Развод оформляли?

— Насколько знаю, позже.

— Есть запись о расторжении брака в девяносто восьмом. Но сведения о детях в карточке закрыты.

— Я дочь.

— Вы совершеннолетняя дочь, но это не даёт автоматического доступа к семейным документам других лиц. Сделаем запрос. Ответ займёт до тридцати дней.

— У меня нет тридцати дней.

Корнеев поднял бровь.

— Почему?

Алина не сумела объяснить. Потому что тридцать один год уже потерян? Потому что после смерти матери время перестало казаться бесконечным?

— Я просто хочу знать, жив ли он.

Мужчина смягчился.

— Я посмотрю описи. Иногда в делах органов опеки остаются карточки, даже если основного дела нет. Обещать ничего не могу.

Он записал её номер.

— Михаил Сергеевич, — прочитала Алина на бейдже.

— Можно просто Михаил.

— Спасибо.

— Пока не за что.

На выходе из архива зазвонил телефон.

Галина Аркадьевна говорила взволнованно:

— Алина, я нашла фотографию. Общий снимок первого класса. Здесь этот мальчик.

— Можете прислать?

— Сейчас попрошу секретаря. Но есть ещё кое-что.

— Что?

— На обороте подписаны дети. Возле Артёма Белова прежняя учительница карандашом написала: «Кирилл С. Просит не называть новым именем при отце».

Через минуту пришла фотография.

В центре второго ряда стоял Кирилл. На нём была синяя куртка, о которой писала мать. Он не улыбался. Остальные дети смотрели в объектив, а Кирилл — в сторону, за школьный забор.

Туда, где могла стоять Людмила Сергеевна.

Алина увеличила снимок.

В левом углу, почти за рамкой, виднелась часть взрослой фигуры — женщина в светлом пальто. Лица не было видно, только рука.

На запястье блестел широкий серебряный браслет.

Такой браслет всю жизнь носила мать.

Алина сидела в машине и смотрела на экран, пока изображение не стало размываться.

Мать была рядом.

Она приходила к школе, видела сына, могла сделать несколько шагов — и не сделала.

Телефон снова зазвонил. На этот раз номер был незнакомым.

— Алло?

Несколько секунд в трубке слышалось только дыхание.

— Алина Людмиловна? — спросил женский голос.

— Да.

— Вы сегодня искали сведения об Артёме Белове?

— Кто это?

— Неважно. Если вам дорога память матери, прекратите.

— Откуда вы знаете?

Женщина не ответила.

— Кирилл жив? — быстро спросила Алина.

На другом конце наступила тишина.

— Его давно нет, — наконец произнесла незнакомка.

— Что значит «нет»?

— Для вас — нет.

Связь оборвалась.

Алина попыталась перезвонить, но номер оказался недоступен.

Она посмотрела на окна архива. За одним из них двигались человеческие силуэты. Кто-то уже знал, что она начала искать брата.

И этот человек не хотел, чтобы они встретились.

Глава 4. Женщина с серебряным браслетом

Незнакомка больше не позвонила.

Алина просидела возле архива почти час, проверяя номер в поисковых системах и телефонных справочниках. Он нигде не значился. Мессенджеры не показывали ни имени, ни фотографии.

«Для вас — нет».

Эти слова можно было понять по-разному. Кирилл мог умереть. Мог быть жив, но считать себя другим человеком. Мог знать о семье и не желать возвращаться.

Последнее пугало сильнее всего.

Алина позвонила Антону.

Он ответил сразу:

— Что случилось?

Раньше он всегда начинал с короткого «да». Теперь словно ждал, что она попадёт в неприятности.

— Мне звонила женщина. Сказала прекратить поиски Кирилла.

— Где ты?

— Возле городского архива.

— Оставайся там. Я приеду.

— Не нужно.

— Алина.

— Она просто позвонила. Не угрожала.

— Фраза «прекратите поиски» уже звучит как угроза.

— Возможно, это Раиса. Или Марина.

— Или человек, который каким-то образом узнал, что ты обращалась в архив. Ты никому не давала номер?

— Сотруднику архива. Учительнице. Директору школы.

— Прекрасно. Полгорода.

— Не преувеличивай.

— Пришли номер. Я попробую проверить.

Антон работал финансовым консультантом и не имел отношения ни к полиции, ни к связи, но знал людей в самых разных организациях. Когда они были женаты, Алина редко спрашивала, откуда у него появляются нужные номера и справки. Сейчас впервые задумалась, не слишком ли охотно она привыкла пользоваться его возможностями.

— Ничего незаконного, — предупредила она.

— Разумеется. Я просто позвоню оператору и попрошу выдать персональные данные незнакомого человека.

— Антон.

— Это была шутка.

— У тебя плохо получается.

— Знаю. Пришли номер и езжай домой.

Алина отправила снимок экрана, но домой не поехала.

Адрес Раисы находился неподалёку. Обещание Нине Павловне не ехать к ней действовало только до сегодняшнего дня.

Северная улица тянулась вдоль старого промышленного района. Дома здесь строили в шестидесятых: одинаковые пятиэтажки, узкие дворы, ржавые качели. Возле нужного подъезда сидели две старушки в тёплых платках, несмотря на мокрый снег.

— Раиса Белова? — переспросила одна. — Из сорок второй квартиры?

— Наверное.

— Так она теперь Орлова. Замуж выходила.

— Она здесь живёт?

— Живёт. Только почти не выходит. Ноги больные.

Дверь квартиры открыла женщина лет семидесяти. Худая, с короткими седыми волосами и резко очерченными скулами. Она опиралась на трость.

— Раиса Петровна?

— А вы кто?

— Меня зовут Алина Лебедева. Я дочь Людмилы Савельевой.

Женщина не вздрогнула и не побледнела, как Нина Павловна. Только сильнее сжала ручку двери.

— Люда умерла?

— В среду.

Раиса закрыла глаза.

— Я знала, что этим закончится.

— Чем?

— Что вы придёте после её смерти.

Она отступила, позволяя Алине войти.

Квартира была чистой и почти пустой. На стенах висели фотографии: молодая Раиса с мужем, две девочки, внуки. Марины среди них Алина не увидела.

— Садитесь, — сказала хозяйка. — Чай будете?

— Нет, спасибо.

— Правильно. Всё равно невкусный.

Она устроилась в кресле напротив.

— Где письма?

Вопрос прозвучал так буднично, что Алина не сразу ответила.

— Какие письма?

— Которые Люда писала мальчику.

— Откуда вы о них знаете?

— Марина рассказывала.

— Она их видела?

— Одно. Люда отправила на Садовую. Марина вернула, не показывая Виктору.

— Но на конверте стоит почтовая отметка.

— Остальные возвращала почта. Первое нашла сестра.

— Почему она не отдала его Кириллу?

— Его звали Артёмом.

— Мать родила Кирилла.

— А воспитывала Артёма Марина.

В голосе Раисы не было ни злости, ни сожаления. Она словно сообщала установленный факт.

— Воспитывала ребёнка, которого забрали у матери.

— Люда сама подписала отказ.

— Какой отказ?

Раиса отвела взгляд.

— Я не юрист. Не знаю, как называлась бумага.

— Вы её видели?

— Да.

— Что там было написано?

— Что мальчик остаётся с отцом, а Люда не будет требовать встреч.

— Почему она это подписала?

— Спросите у неё.

— Я похоронила её три дня назад.

Раиса сжала губы.

— Простите.

— Вы знаете причину.

— Знаю только то, что слышала от Марины. После пожара Виктор пришёл с бумагами.

Сказал Люде: или она отдаёт сына, или он докажет, что пожар устроили из-за её беспечности и что маленькую Алину нужно забрать тоже.

— Но мама сама написала, что пожар устроил кто-то другой.

— Это она поняла позже.

— Кто?

— Не знаю.

— Где Марина?

Раиса провела ладонью по колену.

— Умерла.

Алина почувствовала разочарование, почти стыдное на фоне чужой смерти.

— Когда?

- Девять лет назад. Сердце.
- Где она жила?
- В разных местах. Сначала в Нижнем, потом за границей.
- С Виктором?
- Некоторое время.
- И с Кириллом?
- С Артёмом.
- Хорошо. С Артёмом.

Раиса посмотрела на фотографию в руках Алины.

— Он был хорошим мальчиком. Слишком тихим. Марина хотела сына и верила, что сумеет дать ему новую семью.

- Поэтому согласилась участвовать во лжи?
- Она любила Виктора.
- Это не оправдание.
- Я её не оправдываю.
- Вы сказали, Марина была записана матерью. Как это возможно?
- Они оформили усыновление после того, как уехали.
- Без согласия настоящей матери?
- С бумагой, которую Люда подписала.
- Она отказалась от встреч, а не от ребёнка.
- Возможно, Виктор использовал другую бумагу. Тогда всё решалось иначе.

Раиса говорила осторожно, обходя детали. Алина чувствовала: женщина знает больше.

— Мне сегодня звонили, — сказала она. — Требовали прекратить поиски.

Взгляд Раисы дрогнул.

- Кто?
- Женщина. Я подумала, что вы.
- У меня ваш номер появился только сейчас.
- А у кого он мог быть?
- У Виктора.
- Он жив?
- Последний раз Марина говорила с ним лет десять назад.
- Где он тогда находился?
- Не знаю.
- Вы всё время отвечаете одинаково.
- Потому что ваша мать была не единственной, от кого Виктор скрывался.
- От кого ещё?

Раиса поднялась, тяжело опираясь на трость.

- Вам пора.
- Нет. Я пришла не для того, чтобы снова услышать половину правды.
- Половина иногда безопаснее целого.
- Для кого?
- Для вашего брата.
- Вы знаете, где он.

Раиса отвернулась.

- Он взрослый человек. У него своя семья.
- Значит, жив.

Женщина ничего не сказала.

Но молчание стало ответом.

У Алины ослабли колени. Она ухватилась за спинку стула.

— Он жив, — повторила она.

— Я этого не говорила.

— Вы сказали, у него семья.

— Предположила.

— Где он?

— Не знаю точного адреса.

— Но знаете имя.

Раиса покачала головой.

— Марина обещала не вмешиваться после того, как Артём ушёл из дома. Я тоже обещала.

— Почему он ушёл?

— Узнал часть правды.

— Какую?

— Что Марина ему не мать.

— А обо мне и маме?

— Не знаю. Он не захотел слушать. Ему было девятнадцать. Собрал вещи и исчез.

— Вы не пытались найти?

— Марина искала. Виктор — нет.

— Почему?

— Сказал, что мальчик всё равно вернётся, когда закончатся деньги.

— Вернулся?

— Нет.

— Значит, последние девятнадцать лет вы ничего о нём не знаете?

— Иногда Марине приходили открытки без обратного адреса. Потом перестали.

— Они сохранились?

Раиса посмотрела в сторону закрытой двери комнаты.

— После смерти сестры я забрала её вещи.

— Покажите.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что последнюю открытку написал не Артём.

В комнате стало тихо. За стеной у соседей работала дрель, но звук казался далёким.

— А кто?

— Виктор.

— Мой отец писал Марине от имени сына?

— Он хотел, чтобы она перестала искать.

— Откуда вы знаете?

— Узнала почерк. Виктор часто оставлял записки на Садовой.

— Что было в открытке?

— «У меня всё хорошо. Не ищи меня. Я простил тебя».

— И Марина поверила?

— Очень хотела поверить.

— Зачем отцу скрывать его местонахождение от женщины, которая помогала ему?

Раиса медленно вернулась в кресло.

— Потому что к тому времени Марина поняла: Виктор забрал мальчика не ради него.

— А ради чего?

— Ради наказания.

— Кого он наказывал?

— Люду.

Слова прозвучали спокойно, и от этого стали страшнее.

— За что?

— За то, что хотела уйти от него.

Алина вспомнила отца только отдельными вспышками. Запах табака. Тяжёлый ключ в замке. Мать, мгновенно замолкающая, когда он входит в комнату. Она всегда считала эти воспоминания придуманными.

— Пожар произошёл до их развода?

— Люда собиралась подать заявление. Хотела забрать вас обоих и уехать к родственникам. За день до пожара сказала об этом Виктору.

— И вы думаете, он поджёт дом?

— Я ничего не думаю. Меня там не было.

— Но Марина знала?

— Позже начала подозревать.

— Почему молчала?

— Потому что к тому времени сама была виновата во многом.

Раиса открыла ящик комода и достала фотографию. На ней молодая Марина стояла возле моря рядом с женщиной и подростком. Мужчина был высок, широкоплеч, с усами. Отец.

Подросток держался отдельно. Светлые волосы потемнели, лицо вытянулось, но глаза остались прежними.

Кирилл.

На фотографии ему было лет шестнадцать.

— Можно взять?

— Нет.

— Хотя бы сфотографировать.

Раиса помедлила, потом кивнула.

Алина навела камеру. На заднем плане виднелась гостиничная вывеска на иностранном языке.

— Где это снято?

— В Болгарии. Они жили там несколько лет.

— Когда?

— В начале двухтысячных.

— У него уже было новое имя?

— Да.

— Какое?

Раиса положила фотографию обратно.

— Я не скажу.

— Вы только что подтвердили, что он жив.

— Я подтвердила, что он был жив девятнадцать лет назад.

— Его имя помогло бы найти.

— Именно поэтому не скажу.

— Вы защищаете отца?

— Артёма. Или Кирилла — как вам угодно.

— От сестры?

— От прошлого, которое уже однажды разрушило ему жизнь.

Алина встала.

— Моя мать умерла, не увидев сына. Он, возможно, считает её предательницей. И вы называете молчание защитой?

— А если он счастлив?

— Тогда сам скажет мне уйти.

— А если после вашего появления перестанет быть счастлив?

Вопрос был честным. Именно поэтому Алина не нашла ответа.

Раиса проводила её до двери.

— Я ничего вам не дам, — сказала она. — Но если действительно любите брата, подумайте, что важнее: ваша потребность узнать правду или его право не знать её.

— Он имеет право выбирать. Пока вы скрываете правду, выбора у него нет.

На лестничной площадке Алина услышала, как за дверью повернулся ключ.

Она спустилась на один пролёт и остановилась. Сердце билось быстро, ладони дрожали. Кирилл был жив девятнадцать лет назад. Жил в Болгарии. Ушёл из дома. Получил третье имя.

Этого было мало, но впервые у Алины появилась его взрослая фотография.

В машине она увеличила снимок. На шее подростка висел кожаный шнурок с маленьким металлическим ключом.

Алина знала этот ключ.

В детстве он открывал жестяную коробку, где Кирилл хранил «сокровища»: стеклянные шарики, иностранные монеты, пуговицу от отцовского кителя. После пожара коробка исчезла.

Значит, брат сохранил не только воспоминания. Он сохранил вещь из прежней жизни.

Телефон сообщил о новом сообщении от Антона:

«Номер оформлен на подставное юридическое лицо. Активирован три дня назад».

Три дня назад умерла мать.

Следом пришло ещё одно сообщение:

«Я еду к тебе. Не спорь».

Алина завела машину.

На выезде со двора заметила в зеркале Раису. Женщина стояла у окна и говорила по телефону.

И хотя Алина не могла слышать слов, по движению губ ей показалось, что Раиса произнесла её имя.

Через двадцать минут, когда Алина вошла в материнский дом, входная дверь была не заперта.

Она точно помнила, что утром дважды повернула ключ.

В прихожей лежал растаявший снег. Следы мужских ботинок тянулись к лестнице.

Алина не стала входить дальше. Выскочила на крыльцо и позвонила Антону.

— В доме кто-то был.

— Ты внутри?

— Нет.

— Садись в машину и заблокируй двери. Я в десяти минутах.

— Нужно вызвать полицию.

— Уже вызываю.

Патруль приехал раньше Антона. Двое полицейских осмотрели комнаты, чердак и двор. В доме никого не оказалось. Замок не был сломан.

— Возможно, не закрыли, — предположил старший.

— Закрыла.

— Запасные ключи у кого-нибудь есть?

— У соседки был. Не знаю, сохранился ли.

Нина Павловна, увидев полицейскую машину, прибежала сама. Её ключ всё ещё висел на связке, и она уверяла, что никому его не давала.

— Что пропало? — спросил полицейский.

На первый взгляд всё было на месте. Деньги, техника, украшения матери. Вещи не разбросаны.

Алина поднялась в свою комнату.

Дверь была заперта. Она открыла её собственным ключом.

Синяя папка лежала на кровати.

Лента была развязана.

Алина перебрала конверты. Письма находились на месте — кроме одного.

Исчезло последнее, написанное матерью три месяца назад.

Под папкой лежала фотография, которой раньше не было. На ней Людмила Сергеевна стояла возле школы рядом с неизвестным мужчиной в красном шарфе.

На обороте чужим почерком было написано:

«Твоя мать тоже умела лгать».

Глава 5. Красный шарф

Антон забрал Алину из дома почти силой.

Она хотела остаться до окончания осмотра, ещё раз проверить письма, поговорить с Ниной Павловной. Антон не спорил. Молча собрал синюю папку, ноутбук и её вещи, поставил в машину, после чего открыл пассажирскую дверь.

— Я никуда не поеду, пока полиция не закончит.

— Они закончили.

— Они сказали, что вернутся.

— Утром. А сегодня ты будешь ночевать у меня.

— Я не спрашивала, где мне ночевать.

— Знаю.

В его голосе не было привычной сухости. Только усталость и страх, который он пытался скрыть.

Полицейские не нашли следов взлома. Отпечатки в доме принадлежали Алине, матери, Нине Павловне и нескольким родственникам, приходившим на поминки. Следы обуви в прихожей были слишком размытыми. Заявление приняли, фотографию с надписью забрали в пакет.

К пропаже письма отнеслись без особого интереса.

— Вы уверены, что оно существовало? — спросил следователь.

— Мать подписывала каждый конверт. Последний был датирован маем.

— Вы его читали?

— Нет.

— Значит, не можете сказать, что находилось внутри.

— Но конверт был.

Следователь записал. По выражению лица было ясно: для него это семейный конфликт, а не преступление.

Алина села в машину Антона.

Его квартира находилась в новом доме на набережной. Когда-то они выбирали её вместе, спорили из-за цвета стен и смеялись, что места хватит минимум на троих детей. После развода Алина оставила ключ на кухонном столе и больше не возвращалась.

Теперь в квартире почти ничего не напоминало о ней. Исчезли яркие подушки, фотографии, книжные стопки возле дивана. Стены стали серыми, поверхности пустыми.

— Ты здесь вообще живёшь? — спросила она.

— Иногда.

— Похоже на гостиницу.

— Ты всегда это говорила.

— Раньше здесь были мои вещи.

Антон снял пальто.

— Поэтому было похоже на дом?

Алина промолчала.

Он постелил ей в бывшей гостевой комнате. На тумбочке стояла фотография в рамке — они вдвоём на берегу моря. Алина взяла её.

— Ты оставил?

— Забыл убрать.

— Два года забывал?

— У меня плохая память.

— Нет. У тебя прекрасная память.

Антон забрал рамку и положил снимком вниз.

— Сейчас не время.

— Для чего?

— Для разговоров, которые мы откладывали два года.

— Значит, ты помнишь, что откладывали.

Он посмотрел на неё, но не ответил.

Они устроились на кухне. Синяя папка лежала между ними. Антон сфотографировал каждый конверт, занёс даты в таблицу и попросил Алину рассказать всё, что узнала у Раисы.

— И ты не позвонила мне перед тем, как идти к ней, — сказал он.

— Я позвонила после.

— После того как неизвестная женщина велела прекратить поиски.

— Именно поэтому я пошла. Кто-то отреагировал на мои вопросы слишком быстро.

— Нормальные люди в такой ситуации становятся осторожнее.

— Я никогда не была нормальной по твоим критериям.

— Это одна из причин, по которым я на тебе женился.

Он произнёс это рассеянно, продолжая рассматривать фотографию Кирилла в Болгарии. Потом словно понял, что сказал, и замолчал.

Алина отвернулась к окну.

За стеклом отражалась кухня, где они когда-то завтракали по воскресеньям. Тогда ей казалось, что их брак разрушило отсутствие детей. Теперь она впервые подумала: оно лишь сделало видимыми трещины, которые появились раньше.

— Покажи фотографию из дома, — попросил Антон.

— Полиция забрала оригинал.

— Ты сняла её?

Алина открыла телефон.

На снимке мать была моложе, чем в последние годы, но старше женщины из первых писем. Ей около пятидесяти. Серебряный браслет на руке, светлое пальто. Рядом мужчина в красном шарфе. Он стоял боком, лицо частично скрывал воротник.

За ними виднелись школьный забор и дети.

— Это не девяносто шестой год, — сказал Антон.

— Почему?

— Посмотри на машины.

В дальнем углу фотографии стояли два автомобиля. Один — современная модель, выпущенная не раньше десяти лет назад.

— Значит, мама приходила к школе намного позже.

— Или снимок сделан возле другой школы.

Алина увеличила вывеску. Цифры были размыты, но угадывалось число семнадцать.

— Та же школа.

— Что она там делала через двадцать лет после отъезда Кирилла?

— Встречалась с этим мужчиной.

Антон приблизил изображение.

— Шарф закрывает нижнюю часть лица. Но я где-то его видел.

- Мужчину?
- Не уверен.
- Это может быть отец?
- На твоих старых фотографиях он крупнее.
- Люди худеют.
- И стареют. Этот мужчина выглядит моложе твоей матери.

Алина провела пальцем по экрану. На руке незнакомца виднелось кольцо с тёмным камнем.

- Можно найти фотографа? — спросила она.

— Если снимок цифровой, в файле могли остаться данные. Но у нас только распечатка и твоя фотография распечатки.

- Оригинал мог быть у мамы.
- Тогда человек, который вошёл в дом, знал, где искать.

Он снова открыл таблицу.

- Пропало последнее письмо. Появилась фотография. Это обмен.

— Зачем?

- Чтобы направить тебя к мужчине в шарфе или заставить сомневаться в матери.

— Получилось и то и другое.

Антон закрыл ноутбук.

- Тебе нужно поспать.

— Я не усну.

- Тогда хотя бы ляг.

Ночью Алина проснулась от запаха дыма.

Она вскочила, ударилась коленом о тумбочку и выбежала в коридор. В квартире было темно и тихо. Запах исчез.

Антон вышел из спальни.

- Что случилось?

— Пожар.

Он включил свет.

- Ничего не горит.

Алина стояла босиком, прижимая руки к груди. Сердце стучало так сильно, что она не слышала собственных мыслей.

- Я чувствовала дым.

— Это был сон.

- Нет. Я помню.

Перед глазами возник тёмный коридор. Огонь ползёт по стене. Кирилл тянет её за руку. Где-то кричит мужчина.

Не отец.

Голос был другим — молодым, испуганным.

На шее мелькнул красный цвет.

Алина ухватилась за стену.

- Мужчина в шарфе был в доме.

— В каком доме?

- Во время пожара.

— Ты вспомнила?

- Не знаю.

Антон подвёл её к дивану, принёс воды.

- Не заставляй себя. Память после травмы ненадёжна.

— Он кричал.

— Кто?

— Мужчина. Молодой. На нём было что-то красное.

— Ты могла соединить фотографию со старыми воспоминаниями.

— А могла наконец вспомнить.

До утра они сидели в гостиной. Антон уснул в кресле, Алина смотрела на тёмное окно и перебирала детали. Красный шарф. Запах бензина. Кирилл толкает её к выходу. Мать кричит не детям, а кому-то взрослому: «Что ты наделал?»

Каждое воспоминание могло быть настоящим или созданным за последнюю ночь.

Утром позвонил Михаил Корнеев из архива.

— Нашёл карточку опеки, — сказал он. — Не само дело, только запись в описи. Можете приехать?

— Сейчас.

— Подождите. Есть проблема. Дело изымали в две тысячи четвёртом году и не вернули.

— Кто?

— Сотрудник прокуратуры. В графе стоит фамилия, но подпись неразборчива.

— Какая фамилия?

— Громов.

Ни о каком Громе мать в письмах не упоминала.

— Что было в деле?

— По описи: заявление Людмилы Савельевой, медицинское заключение, акт обследования жилья, протокол опроса ребёнка и временное решение о передаче Кирилла Савельева отцу.

— Временное?

— Именно. Срок — три месяца.

— Но отец увёз его навсегда.

— Окончательного решения в карточке нет.

— Значит, он не имел права?

— Я не юрист. Но временная передача не равна отказу матери от ребёнка.

Алина посмотрела на Антона. Он проснулся и слушал разговор.

— Можно узнать имя сотрудника прокуратуры?

— Попробую. Приезжайте после десяти.

В архив они поехали вместе.

Михаил встретил их в читальном зале. На столе лежала пожелтевшая карточка с машинописным текстом.

— Фотографировать нельзя, — предупредил он. — Пока запрос официально не согласован, вы это даже не видели.

— Почему вы помогаете? — спросила Алина.

— Потому что моя сестра пропала двадцать лет назад. Её нашли через сутки, всё закончилось хорошо. Но я помню эти сутки.

Он указал на строку выдачи.

«Громов С. П.»

— Сергей Павлович Громов, — сказал Михаил. — В две тысячи четвёртом был помощником районного прокурора. Потом уволился.

— Где он сейчас?

— Живёт здесь. Работает адвокатом.

Антон записал адрес конторы.

— Что такое «протокол опроса ребёнка»? — спросила Алина.

— Вероятно, Кирилла спрашивали, с кем он хочет остаться.

— Ему было семь.

— Его мнение всё равно могли зафиксировать.

— И он выбрал отца?

Михаил посмотрел на карточку.

— В описи есть примечание: «Ребёнок настаивает на возвращении к матери и сестре».

Воздух словно вышел из комнаты.

Алина отвернулась.

Кирилл хотел домой.

Все эти годы она пыталась утешать себя мыслью, что, возможно, он забыл их, привык к новой семье, был счастлив. Но семилетний мальчик просил вернуть его к матери и маленькой сестре. Его не вернули.

Антон положил ладонь ей на спину.

— Ещё одно, — тихо сказал Михаил. — В карточке указана причина временной передачи: мать находилась под следствием по делу о пожаре и причинении вреда ребёнку.

— Какому ребёнку? Мне?

— Имя не указано.

— Но меня никто не забирал.

— Видимо, обвинение сняли.

— Где материалы дела?

— В другом архиве. Я подам запрос.

— Сколько ждать?

— Официально — месяц. Неофициально попробую узнать сегодня.

Они отправились к Громову.

Адвокатская контора располагалась в старом особняке возле суда. Секретарь сказала, что Сергей Павлович принимает только по записи, но, услышав фамилию Савельевой, позвонила в кабинет.

Громов оказался мужчиной лет шестидесяти пяти, сухощавым, с белыми волосами и тяжёлым взглядом. На нём был тёмно-серый костюм.

Красного шарфа не было.

— Людмила умерла? — спросил он, не предлагая сесть.

— Вы знали мою мать?

— Когда-то представлял её интересы.

— В качестве прокурора?

— Позже — в качестве юриста.

— Вы забрали дело об опеке из архива.

Лицо Громова не изменилось.

— Откуда у вас эта информация?

— Из карточки выдачи.

— Архив не имел права показывать.

— Почему вы не вернули дело?

— Вернул.

— Его там нет.

— Значит, потеряли.

— Кто мужчина в красном шарфе?

Вопрос впервые заставил его насторожиться.

— Не понимаю.

Алина показала снимок на телефоне.

Громов едва заметно отступил.

— Где вы это взяли?

— Кто-то оставил в доме матери и забрал её последнее письмо.

Он надел очки, приблизил изображение.

— Это я.

Алина посмотрела на него внимательнее. Та же линия носа, кольцо с тёмным камнем на правой руке.

— Когда сделана фотография?

— Семь лет назад.

— Почему вы встречались возле школы Кирилла?

— Людмила попросила.

— Зачем?

Громов наконец сел.

— Она получила письмо.

— От Кирилла?

— Она так думала.

— Что в нём было?

— Он просил о встрече. Назначил место возле школы, где когда-то учился.

— Он приехал?

— Нет.

— Кто прислал письмо?

— Не знаю. Мы прождали два часа.

— Почему мама не рассказала мне?

— Боялась дать ложную надежду.

— Вы видели конверт?

— Да.

— Какое имя стояло в подписи?

Громов снял очки.

— Андрей.

Третье имя.

— Фамилия?

— Андрей Волков.

Антон быстро записал.

— Где письмо? — спросила Алина.

— Людмила забрала.

— Оно могло быть последним в папке.

— Возможно.

— Кто знал о встрече?

— Мы двое. И тот, кто прислал письмо.

— Тогда кто нас сфотографировал?

Громов посмотрел на изображение ещё раз.

— Об этом я не подумал.

— Вы помогали маме искать сына?

— Пытался исправить то, в чём когда-то участвовал.

— В чём именно?

Он долго молчал.

— Я был молодым следователем. Вёл дело о пожаре. Виктор Савельев убедил всех, что возгорание произошло по вине вашей матери. Показания свидетеля подтверждали его версию.

— Какого свидетеля?

— Мужчины, который находился в доме.

— Кто он?

— Алексей Лебедев. Младший брат Людмилы.

Алина знала, что у матери был брат. В семейных рассказах дядя Алексей погиб незадолго до пожара в автомобильной аварии. Его фотографий почти не сохранилось.

— Он не мог быть свидетелем. Он умер раньше.

— Так вам сказали.

— Он жив?

— Был жив в ночь пожара. Именно он вытащил вас из дома.

В памяти снова прозвучал молодой мужской крик.

— На нём был красный шарф?

— Не помню.

— Что он показал?

— Что Людмила оставила включённый обогреватель возле занавески, а потом ушла из дома.

— Это была правда?

— Нет. Через восемь лет Алексей нашёл меня и признался, что Виктор заплатил ему. Обогреватель принесли после пожара. Возгорание началось в кладовой, где хранился бензин.

— Отец поджёг дом?

— Алексей не видел, кто поджёг. Но слышал ссору Виктора с вашей матерью и видел его возле кладовой.

— Почему дядя солгал?

— Деньги. Долги. Страх. Потом он исчез.

— А дело об опеке?

— Я забрал его по просьбе Людмилы, чтобы восстановить документы и добиться пересмотра. Не успел. Часть материалов уже уничтожили.

— Вы нашли Кирилла?

— Нашёл след. В Болгарии он жил под именем Андрей Викторович Волков. Потом вернулся в Россию.

— Куда?

— В Санкт-Петербург.

Алина сжала край стола.

— У вас есть адрес?

— Был. Семь лет назад.

— Дайте.

— Сначала вы должны кое-что понять. Встреча возле школы была ловушкой. После неё Людмиле прислали фотографию вас.

— Мою?

— Вы выходили из своей квартиры. На обороте написали: «Если продолжишь искать сына, потеряешь дочь».

Вот почему мать снова остановилась.

Громов открыл сейф и достал тонкую папку.

— Людмила оставила это мне. Сказала передать вам только в случае, если письма исчезнут или кто-то проникнет в дом.

В папке лежала копия паспорта мужчины тридцати одного года. Имя: Андрей Викторович Волков. Место рождения совпадало с городом Алины.

Фотография была маленькой, но ошибки быть не могло. Взрослый Кирилл смотрел прямо в объектив.

Рядом находилась выписка с адресом в Санкт-Петербурге.

— Почему мама не поехала к нему?

— Поехала, — ответил Громов.

— Когда?

— Шесть лет назад.

— Она увидела его?

— Да.

Алина перестала дышать.

— И?

Громов открыл последний конверт.

Внутри была фотография: мать стояла на набережной рядом со взрослым Кириллом. Они не обнимались. Между ними оставалось несколько шагов, но оба смотрели друг на друга.

На обороте рукой матери было написано:

«Я нашла сына. Но он попросил никогда больше его не искать».

Глава 6. Последняя просьба

Алина смотрела на фотографию, не замечая, как Громов и Антон замолчали.

Мать стояла на набережной в светлом плаще. Ветер прижимал ткань к её худым ногам. Напротив — взрослый Кирилл, названный Андреем. Между ними оставалось всего несколько шагов, но это расстояние казалось длиннее тридцати одного года.

«Я нашла сына. Но он попросил никогда больше его не искать».

— Почему? — спросила Алина.

Громов убрал очки.

— Людмила не рассказала подробностей.

— Вы же были с ней после встречи?

— Ждал в машине. Она вернулась через двадцать минут. Сказала только, что сын её выслушал и не желает видеть ни её, ни вас.

— Меня?

— Именно.

Алина почувствовала укол обиды, хотя понимала, насколько это несправедливо. Кирилл не знал её взрослой. Возможно, почти не помнил девочку, которую вытолкнул из горящего дома.

— Он объяснил, почему?

— По словам Людмилы, Виктор много лет убеждал его, что мать добровольно выбрала дочь. Что пожар случился из-за вас.

— Из-за четырёхлетнего ребёнка?

— Якобы вы играли со спичками, а Людмила, спасая вас от ответственности, согласилась отдать сына.

Алина закрыла глаза.

Теперь становилось понятно, почему брат мог ненавидеть её. Отец не просто лишил его семьи — дал виновника, на которого можно было направить боль.

— Мама рассказала ему правду?

— Пыталась. Он не поверил.

— А документы?

— Тогда у неё не было доказательств. Только слова и признание Алексея, которого найти не удалось.

Антон перелистал бумаги.

— Если Андрей просил оставить его в покое, мы должны это учитывать.

— Шесть лет назад он разговаривал с женщиной, которую считал предательницей. Теперь мама умерла, а её письма существуют.

— Это не отменяет его просьбу.

— И не отменяет ложь, на которой она основана.

Громов наблюдал за ними с усталым вниманием.

— Людмила знала, что вы продолжите, — сказал он.

— Тогда почему не передала адрес сама?

— Потому что обещала сыну. А ещё потому, что боялась Виктора.

— Он жив?

— Не знаю. Семь лет назад кто-то следил за Людмилой и прислал вашу фотографию. Теперь кто-то проник в дом. Я бы исходил из того, что опасность не исчезла.

— Вы отдадите адрес?

Громов протянул копию выписки.

— Он старый. Андрей давно мог переехать.

На улице Алина остановилась под мокрым снегом. В руках она держала адрес дома на Васильевском острове.

— Ты не поедешь сегодня, — сказал Антон.

— Поезда ходят ночью.

— Именно поэтому.

— Ты снова решаешь за меня.

— Нет. Предлагаю сначала проверить адрес и понять, кто проник в дом.

— Пока мы будем понимать, человек исчезнет.

— Он жил без тебя тридцать один год. Один день ничего не изменит.

— Для мамы каждый день имел значение.

Антон взял её за плечи.

— Ты не обязана закончить то, чего не смогла она.

— Обязана. Она попросила найти брата.

— Нашла. И получила отказ.

— Тогда почему сохранила письма для меня?

На этот вопрос у него не было ответа.

Они вернулись в квартиру Антона. Алина разложила копии писем по полу, пытаясь найти упоминание о встрече шестилетней давности. Последний конверт исчез, но в предыдущем мать писала о надежде:

«Сегодня мне передали, что ты вернулся в Россию. Я не знаю, правда ли это. Я обещала себе больше не искать, но материнство не заканчивается от данного из страха обещания».

Строки были написаны семь лет назад.

Мать искала ещё год, встретила с сыном, получила отказ — и всё равно продолжала покупать подарки.

Алина открыла фотографию Андрея. Взрослое лицо было жёстким, взгляд настороженным. Но уши по-прежнему чуть оттопыривались. Эта деталь неожиданно растрогала сильнее всего.

Антон поставил рядом чашку чая.

— Я попросил знакомого проверить адрес законным способом. Квартира пять лет назад продана.

— Кому?

— Семье Романовых. Андрей Волков там не зарегистрирован.

— Значит, след потерян.

— Не совсем. По старому адресу было зарегистрировано ИП — реставрационная мастерская «Второе время».

— Чем занимается?

— Восстанавливает старые часы и музыкальные механизмы. Компания действует. Адрес мастерской другой.

Алина вспомнила один из подарков в сундуке — часы, купленные матерью Кириллу на шестнадцатилетие.

— Он в детстве разбирал будильники, — сказала она. — Мама ругалась, потому что собрать обратно удавалось не всегда.

Сайт мастерской оказался простым: фотографии часов, контактная форма, телефон. В разделе «О нас» — двое мастеров. Андрей Волков и Елизавета Морозова.

На общей фотографии мужчина стоял у верстака. Кирилл.

Рядом с ним была женщина лет тридцати пяти с рыжими волосами. Она держала девочку лет семи.

Семья.

Раиса не предполагала — знала.

Алина увеличила снимок девочки. Светлые волосы, серьёзные глаза. Ребёнок был удивительно похож на Кирилла с детской фотографии.

У Алины есть племянница.

Несколько минут она не могла отвести взгляд от девочки. На фотографии Маша держала маленькие карманные часы и хмурилась, будто проверяла качество работы взрослых. Кирилл смотрел на неё не в объектив, а сверху вниз — с такой тихой нежностью, какой Алина никогда не видела на снимках отца.

— Он хороший отец, — сказала она.

— Судя по фотографии — да.

— Значит, он сумел стать не похожим на Виктора.

Антон сел рядом.

— Возможно, именно поэтому так боится прошлого. Ему есть что терять.

Алина открыла страницу с отзывами. Клиенты писали об Андрее как о терпеливом мастере, который мог месяцами искать недостающую деталь, лишь бы не заменить старый механизм новым. Один мужчина рассказывал, что Волков бесплатно восстановил часы его умершей жены, потому что понял: дело не в цене вещи.

«Второе время».

Название мастерской теперь казалось не случайным. Кирилл возвращал к жизни то, что другие считали окончательно сломанным.

Но собственной семье второго времени не дал.

Алина нашла интервью в небольшом городском журнале. Андрей рассказывал, что любит старые часы за честность: они останавливаются, когда механизм повреждён, и не притворяются исправными.

— Мама бы сохранила эту статью, — сказала она.

— Может быть, сохранила.

Они позвонили Нине Павловне и попросили проверить журналы в материнском столе. Соседка вернулась через полчаса. Людмила Сергеевна действительно вырезала интервью и спрятала между страницами телефонного справочника. На полях написала: «Он работает руками, как мой отец».

— Значит, мама следила за ним и после отказа.

— Издалека, — сказал Антон.

— От этого не легче.

Вырезка была датирована прошлым годом. Людмила Сергеевна знала адрес мастерской до самой смерти. Могла отправить письма, но сдержала обещание.

Алина впервые задумалась, что материнская любовь состояла не только из поступков. Иногда — из мучительного отказа от поступка.

Она попросила Нину Павловну прочитать заметку на обороте вырезки.

— Здесь одна строчка, — ответила соседка. — «У него есть дочь. Теперь я понимаю, почему он боится моего возвращения».

Мать знала о Маше.

— Нина Павловна, мама когда-нибудь говорила, что хочет поехать к нему снова?

— Каждую неделю. И каждую неделю решала не ехать.

— Почему не рассказала мне?

— Потому что ты бы сделала то, что делаешь сейчас.

— А разве это плохо?

Соседка вздохнула.

— Не знаю, девочка. Иногда любовь — это найти человека. Иногда — не входить в его дверь.

После разговора Алина долго сидела в тишине. Она понимала правоту этих слов и всё же не могла остановиться. Мать оставила не только просьбу найти Кирилла. Она оставила письма — голос, который должен был наконец дойти до адресата.

Она коснулась экрана.

— Как её зовут?

На подписи значилось: «Наш самый строгий контролёр Маша».

Маша.

Алина произнесла имя вслух, и оно сразу стало родным.

— Теперь ты понимаешь, почему нельзя просто появиться у двери? — спросил Антон.

— Понимаю, что у моего брата есть дочь, которой он, вероятно, рассказал, что у него нет родственников.

— Напиши письмо.

— Он может удалить, не читая.

— Это будет его выбор.

Алина набрала адрес мастерской. Пальцы легли на клавиатуру, но слов не было. Как написать брату, который сменил три имени и попросил мать исчезнуть?

«Здравствуй, Кирилл» — слишком самоуверенно.

«Здравствуй, Андрей» — словно она соглашалась с украденной жизнью.

Наконец написала:

«Меня зовут Алина Лебедева. Людмила Сергеевна умерла. После её смерти я нашла письма, которые она писала вам больше тридцати лет. Я не прошу о встрече. Только хочу передать их, если вы согласитесь».

Она не написала «мама». Не написала «брат». Прикрепила фотографию двух детей возле яблони и долго смотрела на кнопку отправки.

— Нажми, — тихо сказал Антон.

— А если он откажется?

— Тогда ты хотя бы узнаешь, что попыталась.

Письмо ушло.

Ожидание ответа оказалось тяжелее самой отправки. Алина обновляла страницу, хотя почта делала это автоматически. За окном темнело. Антон приготовил ужин, но они не ели.

— Что ты скажешь, если он согласится встретиться? — спросил он.

— Отдам папку.

— И всё?

— Попрошу прочитать первое письмо.

— А потом?

— Не знаю. Нельзя заранее написать разговор, который опоздал на тридцать один год.

Она представила, как Кирилл входит в комнату. Хотелось обнять его, но взрослые незнакомые люди не обнимаются только потому, что когда-то держались за руки. Хотелось назвать братом, но это слово могло показаться требованием.

Алина открыла один из поздних конвертов. Мать писала:

«Сегодня Лина развелась. Она сказала, что всё хорошо, но я слышу, как она держится. Ты бы понял. В детстве вы оба делали одинаковые лица, когда было больно и не хотелось, чтобы я заметила».

Мать рассказывала брату о ней. Значит, Кирилл мог узнать всю её жизнь, если прочитает письма: учёбу, свадьбу, бесплодие, развод. Алина же не знала о нём почти ничего.

В другом письме мать описывала смерть старой яблони и признавалась, что сохранила кусок ветки. В третьем — покупала два билета в театр, а потом сидела рядом с пустым креслом.

Это было не только горе. Это была параллельная жизнь, которую Людмила Сергеевна проживала рядом с настоящей.

— Если он не ответит, я всё равно поеду, — сказала Алина.

— Знаю.

— Ты мог бы меня остановить.

— Мог бы попробовать. Но тогда стал бы ещё одним человеком, который решает за вашу семью.

Она посмотрела на Антона. Возможно, люди действительно меняются. Просто иногда слишком поздно для прежней любви и вовремя для чего-то другого, чему ещё нет названия.

Ответ пришёл через девять минут.

«Не пишите сюда. Вы подвергаете опасности мою семью».

И следом:

«Людмила Сергеевна умерла не в среду».

Алина перечитала фразу.

— Что это значит?

Антон наклонился к экрану.

Пришло третье сообщение:

«Она умерла для меня тридцать один год назад».

После этого адрес заблокировал их письма.

Алина попробовала отправить сообщение с другого адреса, но Антон закрыл ноутбук.

— Он ответил. Теперь очередь за тобой — услышать.

— Он говорит словами отца.

— Всё равно говорит он.

— Если человек вырос в тюрьме, разве его отказ выйти означает, что дверь нужно оставить закрытой?

— А если снаружи ему предлагают другую тюрьму — чувство долга перед матерью, которой уже нет?

Алина встала.

— Ты всегда умеешь объяснить, почему лучше ничего не делать.

Антон побледнел.

— Это про нас?

— Наверное.

— Я предложил развод не потому, что ничего не хотел делать.

— А потому, что решил: сломанное проще выбросить.

Он посмотрел на комнату, где всё ещё лежала перевернутая фотография их двоих.

— Я думал, освобождаю тебя.

— Не спросив, хочу ли я свободы.

— Ты хотела ребёнка. Я видел, как ты смотришь на чужих детей.

— А я хотела мужа, который останется, когда нам больно.

Антон открыл рот, но Алина подняла руку.

— Не сейчас. Ты сам сказал, что не время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.